

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Ф. Моретти

Буржуа. Между историей и литературой¹

МОРЕТТИ Франко (Moretti, Franco) — профессор гуманитарных наук им. Дэнили и Лауры Луизы Беллов, факультет английского языка Стэнфордского университета. Адрес: США, 94305-2087, Калифорния, г. Стэнфорд, ул. Серра Молл, 450.

Email: moretti@stanford.edu

Перев. с англ.
Инны Кушнарёвой.

Публикуется
с разрешения
Издательства Института
им. Е. Гайдара.

Книга Ф. Моретти «Буржуа. Между историей и литературой» посвящена истории буржуазии как класса западного общества. Её автор — профессор гуманитарных наук им. Дэнили и Лауры Луизы Беллов Стэнфордского университета и основатель Центра исследований романа и Литературной лаборатории (Center for the Study of the Novel and Literary Lab). Предметом книги является буржуа, рассмотренный через призму литературы. Обращаясь к произведениям западноевропейской литературы, Ф. Моретти пытается разобраться в причинах возникновения и расцвета буржуазной культуры, а также выявить факторы, приведшие её к последующему затуханию и исчезновению. Фокусируясь не на реальных отношениях между социальными группами, а на легитимных культурных формах, Моретти демонстрирует отличительные черты буржуазии и маркеры линий, отграничивающих её от рабочего и правящего классов. Автор книги, кроме того, пытается прояснить вопрос, почему понятие «буржуазия» со временем вытеснило концепт среднего класса, а также почему буржуазия не смогла ответить политическим и культурным запросам современного западного общества.

Журнал «Экономическая социология» публикует «Введение: понятия и противоречия» («Introduction: Concepts and Contradictions») к книге Ф. Моретти «Буржуа. Между историей и литературой». В нем автор ставит проблему своего исследования, определяет основные понятия и объясняет методологию, демонстрируя преимущества и недостатки формального анализа литературной прозы для понимания социальной истории. Во «Введении» Моретти также описывает структуру книги и указывает на оставшиеся лакуны изучаемой темы, решение которых требует дополнительных исследований.

Ключевые слова: буржуазия; средний класс; капитализм; культура; идеология; современная западноевропейская художественная литература; социальная структура; социально-экономическая история.

Введение: понятия и противоречия

1. «Я — представитель класса буржуазии»

Буржуа... Ещё совсем недавно это понятие казалось незаменимым для социального анализа, теперь же в течение многих лет можно ни разу его не услышать. Капитализм силён, как никогда, но люди, которые были его оли-

¹ *Источник:* Моретти Ф. 2014 (готовится к изданию). *Буржуа. Между историей и литературой*. М.: Институт Гайдара. Перев. с англ.: Moretti F. 2013. *The Bourgeois: Between History and Literature*. London: Verso Books.

цветворением, по-видимому, исчезли. «Я — представитель класса буржуазии, чувствую себя таковым и был воспитан на его мнениях и идеалах», — писал Макс Вебер в 1895 г. [Weber 1971: 20]. Кто сегодня может повторить эти слова? Буржуазные «мнения и идеалы» — что это?

Эта изменившаяся атмосфера нашла отражение в академических работах. Зиммель и Вебер, Зомбарт и Шумпетер, все они рассматривали капитализм и буржуазию — экономику и антропологию — как две стороны одной медали. «Я не знаю ни одной серьезной исторической интерпретации современного мира, в котором мы живём, — писал Эммануил Валлерстайн четверть века назад, — в которой концепция буржуазии... отсутствовала бы. И это неслучайно. Трудно рассказывать историю без её главного героя» [Wallerstein 1988: 98]. И однако сегодня даже тех историков, которые больше других подчёркивают роль «мнений и идеалов» в зарождении капитализма (Эллен Мейксинс Вуд, де Фрис, Эпплби, Мокир), мало интересует или почти не интересует фигура буржуа. «В Англии был капитализм, — пишет Мейксинс Вуд в "Первозданной культуре капитализма", — но его породила не буржуазия. Во Франции была (более или менее) торжествующая буржуазия, но её революционный проект не имел отношения к капитализму». И наконец: «Необязательно отождествлять буржуа... с капиталистом» [Meiksins Wood 1992: 3; 2002: 63].

Всё правильно, отождествлять необязательно, но дело не в этом. В «Протестантской этике и духе капитализма» Вебер писал, что «возникновение западной буржуазии во всём её своеобразии» — это процесс, который «находится в тесной связи с возникновением капиталистической организации труда, но не может считаться полностью идентичным ему» [Weber 1958: 24]². В тесной связи, но не может считаться полностью идентичным — вот идея, лежащая в основе «Буржуа»: взглянуть на буржуа и его культуру (буржуа в истории, по большей части, определёнno был мужского рода) как на часть структуры власти, с которой эти структуры, однако, не совпадают целиком. Но говорить о буржуа в единственном числе само по себе сомнительно. «Крупная буржуазия не могла формально отделить себя от людей более низкого положения, — писал Хобсбаум в "Веке империи", — её структура должна была оставаться открытой для вновь прибывших — такова была природа её бытия» [Hobsbawm 1989: 177]. Эта проницаемость, добавляет Перри Андерсон, отличает буржуазию от знати, расположенной на иерархической лестнице выше неё, и от рабочего класса, находящегося ниже неё, ибо, несмотря на все важные различия внутри каждого из этих противостоящих друг другу классов, в структурном отношении они более однородны: аристократию обычно определяет юридический статус в сочетании с гражданскими титулами и юридическими же привилегиями, тогда как рабочий класс характеризуется главным образом занятием ручным трудом. Буржуазия как социальная группа не обладает подобным внутренним единством [Anderson 1992a: 122].

Проницаемые границы и слабое внутреннее единство — не обесценивают ли эти черты саму мысль о буржуазии как классе? По мнению величайшего из живущих её историков, Юргена Коки, вовсе нет, если мы будем различать то, что мы могли бы назвать ядром этого понятия, и его внешнюю периферию. Эта последняя и в самом деле очень сильно варьировалась как в социальном, так и в историческом плане: вплоть до XVIII века внешняя периферия состояла в основном из «самозанятых мелких предпринимателей (ремесленников, розничных торговцев, хозяев постоянных дворов и мелких собственников)» ранней городской Европы; спустя сто лет к ней принадлежало совершенно иное население — «средние и мелкие клерки государственных служащих» [Коска 1999: 193]. Однако в течение XIX века по всей Западной Европе появляется синкретическая фигура «имущей образованной буржуазии», что обеспечивает центр притяжения для класса в целом и усиливает в буржуазии черты возможного нового правящего класса: это схождение нашло выражение в немецкой концептуальной паре *Besitz-* и *Bildungsbürgertum* (имущая буржуазия и буржуазия культуры), или, более прозаично, в том,

² Цит. по: Вебер М. 2013. *Избранное: протестантская этика и дух капитализма*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; 13. — *Примеч. ред.*

что британская система налогообложения бесстрастно подводит прибыли (от капитала) и гонорары (за профессиональные услуги) «под одну статью» [Hobsbawm 1989: 172].

Встреча собственности и культуры: идеальный тип Коки будет и моим идеальным типом, но с одним важным отличием. Как историка литературы, меня будут интересовать не реальные отношения между отдельными социальными группами — банкирами и высокопоставленными государственными служащими, промышленниками и врачами и так далее, — но, скорее, то, насколько культурные формы «подходят» для новой реальности классов; например, то, как слово «комфорт» намечает контуры легитимного буржуазного потребления; или как темп повествования приспосабливается к новому размеренному существованию. Буржуа через призму литературы — вот предмет книги «Буржуа».

2. Диссонансы

Буржуазная культура: едина она или нет? «Многоцветный стяг... может послужить [символом] для класса, который был у меня под микроскопом», — пишет Питер Гэй, завершая пять томов своего труда «The Bourgeois Experience» («Опыт буржуазии») [Gay 1999: 237–238]. «Экономический эгоизм, религиозная повестка, интеллектуальные убеждения, социальная конкуренция, надлежащее место женщины стали политическими вопросами, из-за которых одни буржуа боролись с другими», — добавляет он в более позднем обзоре и поясняет: ярко выразившиеся различия даже вводят в «соблазн усомниться в том, что буржуазия вообще могла поддаваться определению как сущность» [Gay 2002: 5]. Для Гэя все эти «поразительные различия» [Gay 1984: 26] — результат ускорения социальных изменений в XIX веке и потому типичны для истории буржуазии Викторианской эпохи [Gay 1984: 45ff]. Но на антимонии буржуазной культуры можно взглянуть с точки зрения более далёкой перспективы. Аби Варбург в эссе о капелле Сассетти в церкви Санта-Тринита, опираясь на Макьявелли, описавшего Лоренцо Медичи Великолепного в «Истории Флоренции» как человека, который одновременно вёл жизнь и легкомысленную, и полную дел и забот (*la vita leggera e la grave*), самым немислимым образом сочетая две разные натуры (*quasi con impossibile congiunzione congiunte*)³, отмечает, что житель Флоренции времён Медичи соединял в себе совершенно разные характеры идеалиста (будь то христианин времён Средневековья, романтически настроенный рыцарь или классический неоплатоник) и мирянина, практичного этрусского торговца-язычника. Естественное, но гармоничное в своей витальности, это загадочное существо с радостью откликалось на каждый психический импульс как расширение своего ментального горизонта, что можно развивать и использовать в своё удовольствие [Warburg 1999: 190–191, 218]⁴.

Загадочное существо, идеалистическое и мирское. Обращаясь к ещё одному золотому веку буржуазии, на полпути между династией Медичи и викторианцами, Саймон Шама размышляет о необычном сосуществовании, позволявшем светским и церковным правителям жить с системой ценностей, которая в противном случае могла бы показаться крайне противоречивой, о многовековой борьбе между приобретательством и аскетизмом. Неисправимая привычка потакать своим материальным желаниям и стимулирование рискованных предприятий, тяга к которым укоренена в голландской коммерческой экономике, вызывали предостерегающий ропот и торжественное осуждение завзятых хранителей старой ортодоксии. Необычное сосуществование внешне противоположных систем ценностей давало им поле для манёвра между святым и профанным в зависимости от требований нужды или совести, не ставя перед жестоким выбором между бедностью и вечными муками [Schama 1988: 338, 371].

³ См.: Макьявелли Н. 1987. *История Флоренции*. М.: Наука; 351. Перев. Н. Я. Рыковой. — *Примеч. ред.*

⁴ Похожее сочетание несочетаемого возникает и на страницах, посвящённых Варбургом портрету покровителя во «Фламандском искусстве и раннем флорентийском Ренессансе» (1902): «Руки по-прежнему сложены в самозабвенном жесте, ищущем защиты у небес, но взгляд, то ли в мечтах, то ли настороже, направлен в сторону земного» [Warburg 1999: 297].

Потакание материальным желаниям и старая ортодоксия: «Жители Делфта» (оригинальное название «Бургомистр Делфта и его дочь») Яна Стена смотрят на нас с обложки книги Шама (см. рис. 1). Это сидящий грузный человек в чёрном, по одну руку которого дочь в одежде с золотым и серебряным шитьём, а по другую — нищенка в выцветших лохмотьях. Повсюду, от Флоренции до Амстердама, открытое оживление на лицах, изображённых в Санта-Тринита, исчезло. Безрадостный бюргер сидит в своём кресле, будто пав духом из-за того, что обречён «быть предметом моральных понуканий, тянущих его в разные стороны» (снова Шама); он находится рядом со своей дочерью, но не смотрит на неё, повернулся в сторону женщины, но не к ней самой, он смотрит вниз, взгляд его рассеян. Что делать?

Разные натуры, самым немыслимым образом сочетающиеся, Макьявелли, «загадочное существо» Варбурга, «многовековая борьба» Шама: в сравнении с этими ранними противоречиями буржуазной культуры раскрывается суть Викторианской эпохи — времени *компромисса* в гораздо большей степени, чем контраста. Компромисс — это, конечно, не единообразие, и викторианцев можно по-прежнему считать «многоцветными»; однако эти цвета — остатки прошлого, и они теряют свою яркость. Серый, а не *разноцветный*, стяг — вот что развевается над буржуазным веком.

3. Буржуазия, средний класс

«Мне трудно понять, почему буржуазии не нравится, когда её так называют, — пишет Гротуйзен в своём выдающемся исследовании "Происхождение буржуазного духа во Франции". — Королей называли королями, священников — священниками, рыцарей — рыцарями; но буржуазия предпочитала хранить инкогнито» [Groethuysen 1927: vii]. *Garder l'incognito* — хранить инкогнито. Неизбежно вспоминается этот вездесущий и неопределённый ярлык — «средний класс». Райнхарт Козеллек пишет, что каждое понятие «задаёт особый горизонт потенциального опыта и возможной теории» [Koselleck 2004: 86], и, выбрав «средний класс» вместо «буржуазии», английский язык, безусловно, определил очень чёткий горизонт социального восприятия. Но почему он это сделал? Буржуа возникал «где-то посередине»; да, он *не* был крестьянином или крепостным, но он также *не* был знатен, как выразился Валлерстайн [Wallerstein 1988: 91–92]⁵, однако эта серединность была тем, что он, собственно, и желал преодолеть: рождённый в «среднем сословии» Англии раннего Нового времени, Робинзон Крузо отвергает идею своего отца, что это «лучшее сословие в мире», и посвящает всю свою жизнь тому, чтобы выйти за его пределы. Зачем тогда останавливаться на определении, которое возвращает этот класс к его неразличимым истокам, вместо того чтобы признать его успехи? Какие ставки были сделаны при выборе «среднего класса» вместо «буржуа»?

Слово «буржуа» впервые появилось во французском языке в XI веке как *burgeis* — для обозначения тех жителей средневековых городов (*bourgs*), которые пользовались правом «свободы и независимости от феодальной юрисдикции» (толковый словарь французского языка «Le Grand Robert»). К юридическому значению этого термина, от которого пошла типично буржуазная идея свободы как «свободы от чего-то», приблизительно в конце XVII века присоединилось экономическое значение, отсылавшее через уже знакомую серию отрицаний к «тому, кто не принадлежал ни к духовенству, ни к знати, не работал руками и владел независимыми средствами» («Le Grand Robert»). С этого момента, хотя хро-

⁵ За двойным отрицанием у Валлерстайна стоит более далёкое прошлое, которое освещает Эмиль Бенвенист в главе «Ремесло без имени: торговля» в своём «Словаре индоевропейских социальных терминов». Если вкратце, то тезис Бенвениста состоит в том, что торговля — одна из самых ранних форм «буржуазной» деятельности и, «по крайней мере в древности, занятия торговлей не относились к тем видам деятельности, которые были освящены традицией», следовательно, такой вид деятельности мог быть определён только с помощью отрицательных выражений, таких как греческое *askholia* и латинское *negotium* (*neg-otium*, «отрицание досуга»), или общих терминов, таких как греческая *pragma*, французское *affaires* («результат субстантивации выражения *à faire*») или английское *busy* (которое «дало абстрактное существительное *business* — «занятие, дело») [Benveniste 1969: 118] (цит. по: Бенвенист Э. 1995. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс; Универс; 108–109. — *Примеч. ред.*).

Рис. 1. Ян Стен. Жители Делфта (Бургомистр Делфта и его дочь). 1655
(С разрешения Bridgeman Art Library)

нология и семантика могли быть разными в разных странах⁶, это слово появляется во всех западно-европейских языках, от итальянского *borghese* до испанского *burgués*, португальского *burguês*, немецкого *Bürger* и голландского *burger*. На фоне этой группы английское слово *bourgeois* выделяется как единственный пример слова, не ассимилированного морфологией национального языка, а оставшегося в качестве безошибочно узнаваемого заимствования из французского. И в самом деле, «(французский) горожанин или свободный гражданин» — первое определение *bourgeois* как существительного в Оксфордском словаре английского языка (Oxford English Dictionary, OED); «относящийся к французскому среднему классу» — определение прилагательного, тут же подкрепляемое серией цитат, отсылающих к Франции, Италии и Германии. Существительное женского рода *bourgeoise* — «французенка, принадлежащая к среднему классу», тогда как *bourgeoisie* (в первых трёх словарных статьях упоминается Франция, континентальная Европа и Германия) в соответствии со всем сказанным — «совокупность свободных граждан французского города; французский средний класс; также распространяется и на средний класс в других странах» (тоже OED).

Bourgeois маркирован как не-английский. В бестселлере Дины Крейк «Джон Галифакс, джентльмен» (1856) — вымышленной биографии владельца текстильной мануфактуры — это слово появляется всего три раза, всегда выделено курсивом в знак того, что оно иностранное, и используется только уничижительно («Я имею в виду низшее сословие, *буржуазию*»), для выражения презрения («Что? *Буржуа* — лавочником?»)). Что до прочих романистов времён миссис Крейк, то они хранят полное молчание. В базе данных издательской компании Chadwyck Healey (Кембридж), в которой 250 романов составляют своего рода расширенный канон XIX века, слово *bourgeois* попадает в 1850–1860 гг. только один раз, тогда как *rich* (богатый) встречается 4600 раз, *wealthy* (состоятельный) — 613 раз, а

⁶ Траектория немецкого *Bürger* — «от (*Stadt-*)*Bürger* (бюргер) около 1700 года через (*Staats-*)*Bürger* (гражданин) около 1800 к *Bürger* (буржуазный) как “непролетарский” около 1900» — особенно поражает. См.: [Koselleck 2004: 82].

prosperous (процветающий) — 449. А если мы включим в наше исследование столетие целиком, подойдя к нему с точки зрения области употребления, а не частотности термина, 3500 романов Литературной лаборатории Стэнфордского университета (The Stanford Literary Lab) дадут следующие результаты: прилагательное *rich* сочетается с 1060 различными существительными, *wealthy* — с 215, *prosperous* — со 156, а *bourgeois* — с 8, среди которых «семья», «врач», «добродетели», «вид», «наигранность», «театр» и почему-то «геральдический щит».

Откуда такая нерасположенность? В целом, пишет Кока, группы буржуа отделяют себя от старой власти, привилегированной наследной знати и абсолютной монархии. Из этой линии рассуждений следует обратное: в той степени, в которой эти разграничительные линии отсутствуют или стираются, разговоры о *Bürgertum* (бюргерство), одновременно и большим по охвату, и строго ограниченном, теряют свою реальную суть. Это объясняет международные различия: там, где традиция аристократии была слабой или отсутствовала (как в Швейцарии и в Соединённых Штатах), где ранние дефеодализация и коммерциализация сельского хозяйства постепенно стёрли различие между знатью и буржуазией и даже между городом и деревней (как в Англии и Швеции), мы находим мощные факторы, препятствующие формированию хорошо опознаваемого *Bürgertum* и дискурса о нём [Коска 1999: 194–195].

Отсутствие чёткой «разграничительной линии» для дискурса о *Bürgertum* — вот что сделало английский язык столь равнодушным к слову «буржуа». И, наоборот, выражение «средний класс» получало поддержку по той простой причине, что многие из тех, кто наблюдал за ранней индустриальной Британией, *хотели* иметь класс посередине. Индустриальные районы, писал шотландский историк Джеймс Милль (1773–1836) в эссе о государственном правлении (1824), «особенно страдали от большого недостатка среднего сословия, потому что там население почти целиком состояло из богатых мануфактурщиков и бедных рабочих» [Mill 1937: 73].

Бедные и богатые: «Нет такого другого города в мире, — отмечал Кэнон Паркинсон в знаменитом описании Манчестера, которому вторили многие его современники, — где бы расстояние между бедными и богатыми было столь значительным или барьеры между ними столь трудно преодолимыми» [Parkinson 1841: 12]. По мере того как промышленный рост приводил к поляризации английского общества (в «Манифесте Коммунистической партии» было чётко заявлено, что общество должно расколоться на два класса: собственников и лишённых собственности рабочих), потребность в опосредовании росла, и класс посередине казался единственным, способным «сочувствовать» «несчастной доле бедных рабочих» (снова Милль) и в то же время «направлять» их «своими советами» и «подавать хороший пример для подражания» [Mill 1937: 73]. Он был «связующим звеном между высшими и низшими условиями», добавлял лорд Бруэм, описавший этот класс в речи, посвящённой парламентской реформе 1832 г., озаглавленной «The Intelligence of the Middle Class» («Ум среднего класса»), как «истинных носителей трезвого, рационального, разумного и честного английского чувства» [Brougham 1837: 314–315].

Если экономика создала широкую историческую потребность в классе посередине, политики добавили решающий тактический поворот. В корпусе сервиса Google Books «средний класс», «средние классы» и «буржуа» появляются с более или менее одинаковой частотой в 1800–1825 гг.; но в годы, непосредственно предшествующие Биллю о реформе 1832 г., когда отношения между социальной структурой и политическим представительство оказались в центре общественной жизни, выражения «средний класс» и «средние классы» внезапно стали использоваться в два-три раза чаще, чем слово «буржуа». Возможно, потому, что идея «среднего класса» была способом проигнорировать буржуазию как независимую группу и вместо этого взглянуть на неё сверху, поручив ей задачу политического сдерживания⁷.

⁷ «Жизненно необходимым в 1830–1832 гг., по представлениям министров-вигов, было разрушение альянса радикалов путём вбивания клина между средним классом и рабочими», — пишет Ф. М. Л. Томпсон [Thompson 1988: 16]. Попытки

Затем, после произошедшего «крещения» (*baptism*) и утверждения нового термина, начались всевозможные последствия (и переворачивания): хотя «средний класс» и «буржуа» указывали на абсолютно одну и ту же социальную реальность, они, например, создавали совершенно разные ассоциации, и, оказавшись «посередине», буржуазия могла показаться группой, которая и сама является подчинённой и не способна нести ответственность за происходящее в мире. Кроме того, «низший», «средний» и «высший» образовывали континуум, внутри которого мобильность было представить гораздо легче, чем в случае несоизмеримых категорий — «классов», — таких как крестьянство, пролетариат, буржуазия или знать. И, таким образом, символический горизонт, созданный выражением «средний класс», в конечном счёте исключительно хорошо работал для английской (и американской) буржуазии: первоначальное поражение 1832 г., сделавшее невозможным «независимое представительство буржуазии» [Anderson 1992b: 145], в дальнейшем защитило её от прямой критики, поддерживая эвфемизированную версию социальной иерархии. Гротуйзен был прав: тактика *инкогнито* работала.

4. Между историей и литературой

Буржуа между историей и литературой: в этой книге я ограничусь лишь горсткой возможных примеров. И начну с буржуа до *prise de pouvoir* (прихода к власти) (см. главу 1 этой книги «Трудящийся господин» — «A Working Master»), с диалога между Дефо и Вебером о человеке, оказавшемся на необитаемом острове, оторванном от остального человечества, который, однако, начинает видеть закономерности в своём опыте и находить верные слова для их выражения. В главе 2 («Серьёзный век» — «Serious Century») остров превращается в половину континента: буржуа распространились по всей Западной Европе и расширили своё влияние во многих направлениях. Это самый «эстетический» момент в этой истории: изобретение нарративных приёмов, единство стиля, шедевры — великая буржуазная литература, если таковая существовала. Глава 3 («Туман» — «Fog») посвящена викторианской Англии и рассказывает иную историю: после десятков лет невероятных успехов буржуа больше не может быть просто «собой»; его власть над остальной частью общества — его «гегемония» — оказалась под вопросом; и именно в этот момент буржуа вдруг начинает стыдиться себя; он завоевал власть, но утратил ясность зрения — свой «стиль». Это поворотный момент повествования, а также момент истины: оказалось, что буржуа гораздо лучше умеет властвовать в экономической сфере, чем укреплять политическое присутствие и формулировать общую культуру. Затем солнце века буржуа начинает клониться к закату: в южных и восточных регионах, описанных в главе 4 («Национальные деформации» — «National Malformations»), одна великая фигура за другой переживает крах и становится всеобщим посмешищем из-за сохранения старого режима; в это же время из трагической ничейной земли (которая, конечно, шире, чем Норвегия) раздаётся радикальная самокритика буржуазного существования в драматургическом цикле Ибсена (глава 5, «Ибсен и дух капитализма» — «Ibsen and the Spirit of Capitalism»).

Прервём этот пересказ. Однако позвольте мне добавить несколько слов об отношениях между изучением литературы и изучением истории как таковой. Какого рода историю — какого рода *свидетельства* — содержат литературные произведения? Очевидно, что они никогда не бывают прямыми: промышленник Торнтон в «Севере и Юге» (1855) или предприниматель Вокульский в «Кукле» (1890) ничего не говорят о буржуазии Манчестера или Варшавы. Такого рода свидетельства принадлежат к параллельной исторической серии — к своего рода двойной спирали, в которой судорогам капиталистической модернизации соответствует преобразующее их литературное формотворчество. «Всякая фор-

---

разобнения среднего класса с более низкими слоями общества дополнялись обещаниями альянса с более высокими: «Дело первостепенной важности, — заявил лорд Грей, — сделать так, чтобы средние классы были связаны с высшими слоями общества». Как указывает Дрор Урман, с исключительной чёткостью реконструировавший дебаты о среднем классе, знаменитая похвала Бруэма также делала акцент на «политической ответственности... а не на непреклонности, на верности короне, а не на правах народа, на ценностях как оплоте против революции, а не на покушении на свободу» [Wahrman 1995: 308–309].

ма — это разрешение диссонансов бытия», — писал молодой Лукач в «Теории романа» [Luckacs 1974: 62]⁸. А если так, то литература — это странный мир, в котором все эти «разрешения» сохраняются в неприкосновенности или, проще говоря, представляют собой тексты, которые мы продолжаем читать и тогда, когда сами диссонансы постепенно уже исчезли из виду: чем меньше от них осталось следов, тем успешнее оказалось их разрешение.

Есть нечто призрачное в этой истории, в которой вопросы исчезают, а ответы остаются. Но если мы примем идею литературной формы как останков того, что некогда было живым и проблематичным настоящим, и будем двигаться назад с помощью «обратного проектирования», мы поймём проблему, которую эта форма была призвана решать. И если мы это сделаем, формальный анализ сможет раскрыть — в принципе, хотя и не всегда на практике, — то измерение прошлого, которое в противном случае оставалось бы скрытым. В этом состоит возможный вклад в историческое знание: поняв непрозрачные ибсеновские намёки на прошлое или уклончивую семантику викторианских глаголов, даже роль герундия — на первый взгляд не слишком весёлая задача! — в «Робинзоне Крузо», мы войдём в царство теней, где прошлое снова обретает голос и продолжает говорить с нами⁹.

5. Абстрактный герой

Но время говорит с нами *только* через форму как медиум. Истории и стили: вот где я нахожу буржуа. Особенно в стилях, что само по себе удивительно, особенно если учесть то, как часто говорят о нарративах в качестве основания социальной идентичности¹⁰ и отождествляют буржуазию с волнениями и переменами; достаточно вспомнить некоторые наиболее известные примеры из «Феноменологии духа» или «всё сословное и застойное исчезает»¹¹ в «Манифесте Коммунистической партии» и созидательное разрушение у Шумпетера. Я ожидал поэтому, что буржуазную литературу будут характеризовать новые и непредсказуемые сюжеты: «прыжки в темноту», как писал Эльстер о капиталистических инновациях¹². Вместо этого, как я утверждаю в главе «Серьёзный век», происходит обратное: не дис-

⁸ Цит. по: Лукач Г. 1994. Теория романа. *Новое Литературное обозрение*. 9: 30. — *Примеч. ред.*

⁹ Эстетические формы представляют собой структурированные ответы на социальные противоречия: учитывая отношения между историей литературы и социальной историей, я предположил, что очерк «Серьёзный век», хотя он и был первоначально написан для литературоведческого сборника, хорошо впишется в данную книгу (в конце концов, его рабочим названием долгое время было «О буржуазной серьёзности»). Но когда я перечитал это эссе, тут же почувствовал (под этим словом я имею в виду иррациональное и непреодолимое чувство), что мне придётся со значительной частью первоначального текста расстаться и переписать оставшуюся. После редактирования я осознал, что это коснулось главным образом трёх разделов (все они были озаглавлены в первоначальном варианте «Дороги разошлись»), обрисовывавших более широкий морфологический пейзаж, внутри которого складывались формы буржуазной серьёзности. Иными словами, я ощутил необходимость убрать спектр формальных вариаций, который был дан исторически, и оставить результат отбора, произошедшего в XIX веке. В книге, посвящённой буржуазной культуре, это представляется убедительным выбором, но также подчёркивает разницу между литературной историей как историей литературы, в которой плюрализм и случайность формальных вариантов является ключевым элементом картины, и литературной историей как (частью) историей *общества*, когда значение имеет связь между конкретной формой и социальной функцией.

¹⁰ Недавний пример из книги о французской буржуазии: «Здесь я выдвигаю тезис, что существование социальных групп, хотя оно и имеет корни в материальном мире, определяется языком, а точнее, нарративом: чтобы группа могла претендовать на роль актора в обществе и политическом строе, она должна располагать историей или историями о себе» [Maza 2003: 6].

¹¹ В английском переводе дословно: «Всё твёрдое превращается в воздух» («All that is solid melts into air»). — *Примеч. пер.*

¹² Шумпетер «восхвалял капитализм не за его эффективность и рациональность, но за его динамичный характер... Вместо того, чтобы ретушировать творческие и непредсказуемые аспекты инноваций, он делает их краеугольным камнем своей теории. Инновация по сути своей феномен нарушения равновесия, прыжок в темноту» [Elster 1983: 11, 112].

баланс, а *упорядоченность* была главным повествовательным изобретением буржуазной Европы¹³. Всё твёрдое затвердевает ещё больше.

Почему? Главная причина, по-видимому, заключается в самом буржуа. В ходе XIX столетия, как только было смыто позорное клеймо «нового богатства», эта фигура приобрела несколько характерных черт: энергия прежде всего; самоограничение; ясный ум; честность в ведении дел; целеустремлённость. Это все «хорошие» черты, но они недостаточно хороши, чтобы соответствовать тому типу героя повествования, на которого полагалось столетиями сюжетостроение в западной литературе, — воину, рыцарю, завоевателю, авантюристу. «Биржа — плохая замена Святому Граалю», — насмешливо писал Шумпетер, а деловая жизнь «в конторе среди колонн с фигурами» обречена быть «негероичной по сути»¹⁴ [Schumpeter 1975: 137, 128]. Дело в огромном разрыве между старым и новым правящими классами: если аристократия бесстыдно себя идеализировала, создав целую галерею рыцарей без страха и упрёка, буржуазия не создала подобного мифа о себе. Великий механизм приключения (*adventure*) был постепенно разрушен буржуазной цивилизацией, а без приключения герои потеряли отпечаток *уникальности*, которая появляется от встречи с неизведанным¹⁵. По сравнению с рыцарем буржуа кажется неприметным и неуловимым, похожим на любого другого буржуа. В начале романа «Север и Юг» героя описывает матери манчестерского промышленника [Gaskell 2005: 60]:

«— О! Я едва знаю его, — сказала Маргарет... — ...около тридцати... лицо не простодушное и не красивое, ничего замечательного... не вполне джентльмен, как и следовало ожидать. — Не грубый, хотя и простой, — добавил отец ревниво»¹⁶.

Едва... около... не вполне... ничего... Суждение Маргарет, обычно весьма острое, теряется в водовороте оговорок. Дело в *абстрактности* буржуа как типа: в крайней форме это просто «персонифицированный капитал» или даже «машина для превращения... прибавочной стоимости в добавочный капитал», если процитировать несколько пассажей из «Капитала» [Marx 1990: 739, 742]¹⁷. У Маркса, как позднее и у Вебера, методическое подавление всех чувственных черт мешает представить, как такого рода персонаж вообще может служить центром интересной истории, если, конечно, это *не есть* история его самоподавления, как в портрете Томаса Будденброка у Манна (который произвёл глубокое впечатление на самого Вебера)¹⁸. Иначе обстоит дело в более ранний период или на периферии капиталистической Европы, где слабость капитализма как системы оставляет больше свободы для того, чтобы придумать такие мощные индивидуальные фигуры, как Робинзон Крузо, Дездемона Мотта

¹³ Такое же буржуазное сопротивление нарративу вырисовывается из исследования Ричардом Хелгерсоном золотого века голландского реализма, визуальной культуры, в которой «женщины, дети, слуги, крестьяне, ремесленники и повесы действуют», тогда как «мужчины-хозяева из высших классов... существуют» и которая находит свою любимую форму в жанре портрета [Helgerson 1997: 55].

¹⁴ В том же ключе Вебер вспоминает определение века Кромвеля у Карлейля как «the last of our heroism [последней вспышки нашего героизма]» [Weber 1958: 37] (цит. по: Вебер М. 2013. Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранное*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; 20. — *Примеч. ред.*).

¹⁵ Об отношениях между менталитетом авантюриста и духом капитализма см.: [Nerlich 1987]; см. также первые два раздела главы 1 этой книги.

¹⁶ Перев. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. Цит. по: Гаскелл Э. 2011. *Север и Юг*. В 2 т. М.: Азбука-Аттикус. URL: <http://apropospage.ru/lib/gaskell/gaskell7.html> — *Примеч. ред.*

¹⁷ Цит. по: Маркс К. 1960. Капитал. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. В 50 т. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы; 695, 609. — *Примеч. ред.*

¹⁸ О Манне и буржуазии, кроме многочисленных работ Лукача, см.: [Asor Rosa 1968; 2: 68; 3: 68]. Если и был какой-то специфический момент, когда идея книги о буржуа пришла мне в голову, то это произошло более 40 лет назад, когда я читал Альберто Азора Розу, а писать книгу я начал в 1999–2000 гг., в это время я был в Берлине, где провёл год в Институте перспективных исследований (Wissenschaftskolleg).

или Станислав Вокульский. Но там, где капиталистические структуры затвердевают, нарративы и стилистические механизмы вытесняют индивидов из центра текста. Это ещё один способ посмотреть на структуру этой книги: две главы о буржуазных героях и две — о буржуазном языке.

6. Проза и ключевые слова: предварительные замечания

Чуть выше я написал, что буржуа ярче проявлен в стиле, чем в сюжетах, а стиль, в свою очередь, проявляется главным образом в прозе и отражается в ключевых словах. Риторика прозы будет постепенно перемещаться в центр нашего внимания, аспект за аспектом (континуальность, точность, продуктивность, нейтральность...). В первых двух главах книги я провожу генеалогии через XVIII и XIX века. Буржуазная проза была великим достижением и в высшей степени трудоёмким (*laborious*). Отсутствие в её мире какой-либо концепции «вдохновения» — этого дара богов, в котором идея и результаты волшебным образом сливаются воедино в уникальном миге творения, — показывает, до какой степени невозможно было представить себе прозу без того, чтобы сразу же не вспомнить о *труде*. О языковом труде, конечно, но такого рода, который воплощает в себе некоторые из типичных черт деятельности буржуа. Если у книги «Буржуа» есть главный герой, то это, конечно, трудоёмкая проза.

Проза, которую я сейчас обрисовал, — это идеальный тип, никогда полностью не реализованный ни в одном конкретном тексте. Иное дело ключевые слова; это настоящие слова, употреблявшиеся реальными писателями, которые можно легко отследить в той или иной книге. В данном случае концептуальная рамка была заложена десятки лет назад Реймондом Уильямсом в «Культуре и обществе» и «Ключевых словах», а также Райнхартом Козеллеком в его работе над историей понятий (*Begriffsgeschichte*). Для Козеллека, занятого изучением политического языка современной Европы, «понятие не только указывает на отношения, которые оно охватывает; понятие также является *фактором*, действующим внутри них» [Koselleck 2004: 86]. Точнее говоря, это фактор, который устанавливает «напряжение» между языком и реальностью и часто «сознательно используется в качестве оружия» [Koselleck 2004: 78]. Хотя этот метод важен для интеллектуальной истории, он, возможно, не подходит для социального существа, которое, как выражается Гротуйзен, «действует, но мало говорит» [Groethuysen 1927: xi], а когда говорит, предпочитает простые и бытовые выражения интеллектуальной ясности понятий. «Оружие», конечно же, неправильный термин для прагматичных и конструктивных ключевых слов вроде *useful* (полезный), *efficiency* (эффективность), *serious* (серьёзный), не говоря уже о таких великих посредниках, как *comfort* (комфорт) или *influence* (влияние), которые гораздо ближе к идее Бенвениста о языке как «инструменте приспособления мира и общества»¹⁹ [Benveniste 1971: 71], чем к «напряжению» Козеллека. Я полагаю неслучайным то, что многие из моих ключевых слов оказались прилагательными: занимающие не такое центральное положение в семантической системе культуры, как существительные, прилагательные несистематичны и в самом деле «приспосабливаются»; или, как презрительно говорит Шалтай-Болтай, «прилагательные, с ними можно делать всё, что захочешь» [Carroll 1998: 186].

Проза и ключевые слова: два параллельных течения, которые будут всплывать на поверхность аргументации на разных уровнях — абзацев, предложений или отдельных слов. Через них будут проявляться особенности буржуазной культуры, находящиеся в скрытом и порой глубоко захороненном измерении языка: «ментальность», образованная бессознательными грамматическими паттернами и семантическими ассоциациями, а не ясными и чёткими идеями. Первоначально план книги был иным, и порой меня самого смущает тот факт, что страницы, посвящённые викторианским прилагательным, могут оказаться концептуальным центром «Буржуа». Но если идеям буржуа уделялось очень много внимания, его менталитет, за исключением нескольких изолированных попыток вроде очерка Гротуйзена, написанного почти столетие назад, по-прежнему остаётся не слишком изученным; тогда *minutiae*

¹⁹ Курсив автора.

(мелкие детали) языка раскрывают секреты великих идей: трения между новыми устремлениями и старыми привычками, фальстарты, колебания, компромиссы; одним словом, *замедленный темп* культурной истории. Для книги, рассматривающей буржуазную историю как незавершённый проект, это представляется верным методологическим выбором.

7. «Бургер пропадёт...»

Бенджамин Гугенхайм, младший брат Соломона Гугенхайма, 14 апреля 1912 г. оказался на борту «Титаника» и, когда судно начало тонуть, был одним из тех, кто помогал сажать женщин и детей на спасательные шлюпки, несмотря на ажиотаж, а порой и грубость со стороны других пассажиров-мужчин. А затем, когда стюарда попросили занять место на вёслах в одной из шлюпок, Гугенхайм отпустил его и попросил передать жене, что «ни одна женщина не осталась на борту из-за того, что Бен Гугенхайм струсил». И это действительно было так [Davis 1988: 221]. Возможно, он не произносил таких пафосных слов, но это и в самом деле не важно; он совершил правильный, очень трудный поступок. Когда исследователь, занимавшийся подготовкой к фильму Кэмерона «Титаник» (1997), раскопал эту историю, он тут же показал её сценаристам: какая сцена! Но его идею сразу отвергли: слишком нереалистично. Богатые не умирают за абстрактные принципы вроде трусости и тому подобного. И в фильме персонаж, отдалённо напоминающий Гугенхайма, прорывается к шлюпке, размахивая пистолетом.

«Бургер пропадёт», — писал Томас Манн в своём эссе 1932 г. «Гёте как представитель бургерской эпохи». Два эпизода, связанных с «Титаником» и произошедших в начале и в конце XX века, это подтверждают. Пропадёт не потому, что уходит капитализм: он силён, как никогда (хотя в основном, подобно Голему, силён разрушением). Исчезло чувство *легитимности* буржуа, ушла идея правящего класса, который не просто правит, но делает это *заслуженно*. Именно это убеждение стояло за словами Гугенхайма на «Титанике»: на карту был поставлен «престиж (а следовательно, и доверие)» его класса, если воспользоваться словами Грамши о гегемонии [Gramsci 1975: 1519]. Отступить означало потерять право на власть.

Речь идёт о власти, оправданной ценностями. Но как раз в тот момент, когда встал вопрос о политическом правлении буржуазии²⁰, быстро сменяя друг друга, появились три важных новшества и навсегда изменили картину. Сначала произошёл политический крах. Когда *Belle Époque* (Прекрасная эпоха) подходила к своему пошловатому концу, подобно оперетте, в которую она так любила смотреться, как в зеркало, буржуазия, объединившись со старой элитой, вовлекла Европу в кровавую бойню, после чего пряталась со своими интересами за спинами коричнево- и чернорубашечников, открыв путь к ещё более кровавым бойням. Когда старый режим клонился к закату, новые люди оказались не способны действовать как настоящий правящий класс: в 1942 г. Шумпетер написал с холодным презрением, что «буржуазный класс... нуждается в господине» [Schumpeter 1942: 138], и тогда не было нужды объяснять, что он имеет в виду.

Вторая трансформация, почти противоположная по характеру, началась после Второй мировой войны по мере всё более широкого учреждения демократических режимов. «Особенность исторического одобрения, полученного от масс в рамках современных капиталистических формаций, — пишет Перри Андерсон, — заключается в убеждённости масс в том, что они осуществляют окончательное самоопределение в рамках существующего социального порядка... в вере в демократическое равенство всех граждан при управлении страной — другими словами, в неверии в существование какого бы то ни было правящего класса» [Anderson 1976: 30].

²⁰ Став «первым классом в истории, добившимся экономического превосходства без стремления получить политическую власть», пишет Ханна Арендт, буржуазия добилась «политического освобождения» в ходе «периода империализма (1886–1914)» [Arendt 1994: 123].

Скрывшись когда-то за рядами людей в униформе, буржуазия теперь избежала правосудия, воспользовавшись политическим мифом, требовавшим, чтобы она исчезла как класс. Этот акт маскировки значительно упростился благодаря вездесущему дискурсу «среднего класса». И наконец, последний штрих. Когда капитализм принёс относительное благоденствие широким рабочим массам на Западе, товары стали новым принципом легитимации: консенсус был построен на вещах, а не на людях, тем более не на принципах. Это была заря нынешней эпохи: триумф капитализма и смерть буржуазной культуры.

* * *

В этой книге многого не хватает. О чём-то я уже писал в других работах и почувствовал, что не могу добавить ничего нового: так обстоит дело с бальзаковскими парвеню или средним классом у Диккенса, в комедии У. Конгрива «Так поступают в свете» («The Way of the World»), и это важно для меня в «Атласе европейского романа» («Atlas of the European Novel») ²¹. Американские авторы конца XIX века — Норрис, Хоуэллс, Драйзер, — как мне показалось, мало что могли добавить к общей картине; кроме того, «Буржуа» — это пристрастный очерк, лишённый энциклопедических амбиций. Тем не менее есть одна тема, которую я и в самом деле хотел бы включить сюда, если бы она не угрожала разрастись до самостоятельной книги: параллель между викторианской Британией и Соединёнными Штатами после 1945 г., раскрывающая парадокс этих двух капиталистических культур-гегемонов (до сих пор единственных в своём роде), основанных главным образом на антибуржуазных ценностях ²². Я конечно же имею в виду повсеместное распространение религиозного чувства в публичном дискурсе, которое переживает рост, резко обратив вспять более ранние тенденции к секуляризации. Одно и то же происходит с великими технологическими достижениями XIX века и второй половины XX века: вместо того чтобы поддерживать рационалистический менталитет, индустриальная революция, а затем и цифровая породили смесь невероятной научной безграмотности и религиозных предрассудков — сейчас даже худшую, чем тогда. В этом отношении сегодняшние Соединённые Штаты радикализируют центральный тезис викторианской главы: поражение веберовского *Entzauberung* (расколдование мира) в сердцевине капиталистической системы и его замену новыми сентиментальными чарами, скрывающими социальные отношения. В обоих случаях ключевым компонентом стала радикальная инфантилизация национальной культуры (ханжеская идея «семейного чтения», которая привела к цензурированию непристойностей в викторианской литературе, и её слащавый аналог — семья, улыбающаяся с телеэкрана, который усыпил американскую индустрию развлечений) ²³. И эту параллель можно продолжить почти во всех направлениях — от антиинтеллектуализма «полезного» знания и большей части политики в области образования (начиная с навязчивого увлечения спортом) до повсеместного распространения таких слов, как *earnest* (серьёзный) прежде и *fun* (веселье) теперь, в которых чувствуется едва прикрытое презрение к интеллектуальной и эмоциональной серьёзности.

«Американский образ жизни» — аналог сегодняшнего викторианизма: сколь бы соблазнительной ни была эта идея, я слишком хорошо сознавал мою неосведомлённость в современных вопросах и поэто-

²¹ См.: Moretti F. 1998. *Atlas of the European Novel: 1800–1900*. London; New York: Verso. — *Примеч. пер.*

²² В повседневном словоупотреблении термин «гегемония» охватывает две исторически и логически разные области: гегемонию капиталистического государства над другими капиталистическими государствами и гегемонию одного социального класса над другими социальными классами, или, если сказать короче, международную и национальную гегемонию. Британия и Соединённые Штаты до сих пор были единственными примерами *международной* гегемонии, но, конечно, есть множество примеров национальных классов буржуазии, осуществлявших свою гегемонию дома. Мой тезис в этом абзаце и в главе «Туман» относится к специфическим ценностям, которые я ассоциирую с британской и американской *национальной* гегемонией. То, как эти ценности соотносятся с теми, что стали основой международной гегемонии, — очень интересный вопрос, но здесь он не разбирается.

²³ Показательно, что наиболее репрезентативные рассказчики в двух культурах — Диккенс и Спилберг — специализируются на том, что в одинаковой мере обращаются как к детям, так и ко взрослым.

му решил её сюда не включать. Это было правильное, но трудное решение, потому что оно было равносильно признанию, что «Буржуа» — это исключительно историческое исследование, в сущности, не связанное с настоящим. Профессоры истории, размышляет доктор Корнелиус в «Непорядках и раннем горе», не любят истории, коль скоро она свершается, а тяготеют к той, что уже свершилась... Их сердца принадлежат связанному и укрощённому историческому прошлому... прошлое неизбежно в веках, а значит оно мёртво» [Mann 1936: 506]²⁴. Подобно Корнелиусу, я тоже профессор истории, но мне хочется думать, что укрощённая безжизненность — это не всё, на что я способен. В этом отношении посвящение «Буржуа» Перри Андерсону и Паоло Флоресу Аркаису — знак не просто моей дружбы и восхищения ими, оно выражение надежды, что однажды я научусь у них использовать ум прошлого для критики настоящего. Эта книга не смогла оправдать мою надежду. Но, возможно, следующая сможет.

Литература

- Anderson P. 1976. The Antinomies of Antonio Gramsci. *New Left Review*. I (100) (November–December): 5–78.
- Anderson P. 1992a (1976). The Notion of Bourgeois Revolution. In: Anderson P. *English Questions*. London: Verso; 105–120.
- Anderson P. 1992b (1987). The Figures of Descent. In: Anderson P. *English Questions*. London: Verso; 121–192.
- Arendt H. 1994 (1948). *The Origins of Totalitarianism*. New York: Penguin Books.
- Asor Rosa A. 1968. Thomas Mann o dell'ambiguità Borghese. *Contropiano*. 2: 319–376; 3: 527–576.
- Benveniste E. 1971 (1966). Remarks on the Function of Language in Freudian Theory. In: Benveniste E. *Problems in General Linguistics*. Coral Gables, FL: University of Miami Press; 65–75.
- Benveniste E. 1973 (1969). *Indo-European Language and Society*. Coral Gables, FL: University of Miami Press. См. рус. перев.: Бенвенист Э. 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс; Универс.
- Brougham H. 1837. *Opinions of Lord Brougham on Politics, Theology, Law, Science, Education, Literature, &c. &c., as Exhibited in His Parliamentary and Legal Speeches, and Miscellaneous Writings*. London: H. Colburn.
- Carroll L. 1998 (1872). *Through the Looking-Glass, and What Alice Found There*. Harmondsworth: Puffin.
- Davis J. H. 1988. *The Guggenheims, 1848–1988: An American Epic*. New York: Shapolsky Publishers.
- Elster J. 1983. *Explaining Technical Change: A Case Study in the Philosophy of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gaskell E. 2005 (1855). *North and South*. New York; London: Norton; см. также рус. перев.: Гаскелл Э. 2011. *Север и Юг*: В 2 т. М.: Азбука-Аттикус.

²⁴ Цит. по: Манн Т. 1960. *Полное собр. соч.*: В 10 т. Т. 8. М.: ГИХЛ; 137. — *Примеч. ред.*

- Gay P. 1984. *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. I. Education of the Senses*. Oxford: Oxford University Press.
- Gay P. 1999 (1998). *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. V. Pleasure Wars*. New York: Norton.
- Gay P. 2002. *Schnitzler's Century: The Making of Middle-Class Culture 1815–1914*. New York: Norton.
- Gramsci A. 1975. *Quaderni del carcere*. Torino: Giulio Einaudi.
- Groethuysen B. 1927. *Origines de l'esprit bourgeois en France. I: L'Eglise et la Bourgeoisie*. Paris: Gallimard.
- Helgerson R. 1997. Soldiers and Enigmatic Girls: The Politics of Dutch Domestic Realism, 1650–1672. *Representations*. 58: 49–87.
- Hobsbawm E. 1989 (1987). *The Age of Empire: 1875–1914*. New York: Vintage.
- Kocka J. 1999. Middle Class and Authoritarian State: Toward a History of the German *Bürgertum* in the Nineteenth Century. In: Kocka J. *Industrial Culture and Bourgeois Society. Business, Labor, and Bureaucracy in Modern Germany*. New York;Oxford: Berghahn Books; 192–207.
- Koselleck R. 2004 (1979). *Begriffsgeschichte and Social History*. In: Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press; 75–92.
- Luckacs G. 1974 (1914–1915). *The Theory of the Novel*. Cambridge, MA: MIT Press. См. также рус. перев.: Лукач Г. 1994. Теория романа. *Новое Литературное обозрение*. 9: 19–78.
- Mann Th. 1936. *Stories of Three Decades*. New York: Knopf. См. также рус. перев.: Манн Т. 1960. Непорядки и раннее горе. *Полное собр. соч.*: В 10 т. Т. 8. М.: ГИХЛ; 128–167.
- Marx K. 1990 (1867). *Capital*. Vol. 1. Harmondsworth: Penguin. См. также рус. перев.: Маркс К. 1960. Капитал. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Maza S. 2003. *The Myth of the French Bourgeoisie: An Essay on the Social Imaginary, 1750–1850*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Meiksins Wood E. 1992. *The Pristine Culture of Capitalism: A Historical Essay on Old Regimes and Modern States*. London: Verso.
- Meiksins Wood E. 2002 (1999). *The Origin of Capitalism: A Longer View*. London: Verso.
- Mill J. 1937 (1824). *An Essay on Government* (ed. E. Baker). Cambridge: Cambridge University Press.
- Nerlich M. 1987 (1977). *The Ideology of Adventure: Studies in Modern Consciousness, 1100–1750*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Parkinson R. 1841. *On the Present Condition of the Labouring Poor in Manchester; with Hints for Improving It*. London; Manchester: Simpkin, Marshall, & Co.

- Schama S. 1988. *The Embarrassment of Riches*. Berkeley: University of California Press.
- Schumpeter J. A. 1975 (1942). *Capitalism, Socialism and Democracy*. New York: Harper.
- Thompson F. M. L. 1988. *The Rise of Respectable Society: A Social History of Victorian Britain 1830–1900*. Cambridge, UK: Harvard University Press.
- Wahrman D. 1995. *Imagining the Middle Class: The Political Representation of Class in Britain, c. 1780–1840*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Wallerstein I. 1988. The Bourgeois(ie) as Concept and Reality. *New Left Review*. I (167) (January–February): 91–106.
- Warburg A. 1999 (1902). The Art of Portraiture and the Florentine Bourgeoisie. In: Warburg A. *The Renewal of Pagan Antiquity*. Los Angeles: Getty Research Institute for the History of Art and the Humanities; 435–450.
- Weber M. 1958 (1905). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Charles Scribner's Sons.
См. также рус. перев.: Вебер М. 2013. *Избранное: протестантская этика и дух капитализма*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Weber M. 1971. Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik. In: Weber M. *Gesammelte politische Schriften*. Tübingen: J. C. B. Mohr; 1–25.

NEW TRANSLATIONS

Franco Moretti

The Bourgeois: Between History and Literature

MORETTI, Franco —

the Danily C. and Laura Louise Bell Professor in the Humanities, Department of English, Stanford University. Address: Building 460, 450 Serra Mall, Stanford, CA 94305-2087, USA.

Email: moretti@stanford.edu

Abstract

The book “The Bourgeois: Between History and Literature” written by Franco Moretti, the professor in the Humanities at Stanford University and the founder of the Center for the Study of the Novel and Literary Lab, is devoted to the history of the bourgeois as a social class of the modern Western society. The bourgeois, refracted through the prism of literature, is the subject of “The Bourgeois”. Addressing to some pieces of the Western literature, the author tries to scrutinize reasons of the bourgeois culture’s golden age and to reveal causes of its further fall. Moretti focuses not on real relationships between social groups but on legitimate cultural forms, which demonstrate peculiarities of the bourgeois and demarcate it from working and ruling classes. In addition, the author seeks an answer to the questions why the notion of bourgeois was being replaced with the concept of the middle class and why the bourgeois failed to resist political and cultural challenges of the modern Western society.

The journal of Economic Sociology publishes “Introduction: Concepts and Contradictions” from “The Bourgeois”. In the Introduction, Moretti formulates the problem of the study, defines key concepts and explains the applied methodology, demonstrating weaknesses and strengths of the formal analysis of literary prose for understanding the social history. In the Introduction, Moretti describes the book’s structure and sheds lights on the dark corners, which require additional research.

Key words: bourgeois; middle class; capitalism; culture; ideology; modern European literature; social structure; social and economic history.

References

- Anderson P. (1976) The Antinomies of Antonio Gramsci. *New Left Review*, vol. I, no 100 (November–December), pp. 5–78.
- Anderson P. (1992a [1976]) The Notion of Bourgeois Revolution. *English Questions*, London: Verso, pp. 105–120.
- Anderson P. (1992b [1987]) The Figures of Descent. *English Questions*, London: Verso, pp. 121–192.
- Arendt H. (1994 [1948]) *The Origins of Totalitarianism*, New York: Penguin Books.
- Asor Rosa A. (1968) Thomas Mann o dell’ambiguità Borghese. *Contropiano*, vol. 2, pp. 319–376; vol. 3, pp. 527–576.
- Benveniste E. (1971 [1966]) Remarks on the Function of Language in Freudian Theory. *Problems in General Linguistics*, Coral Gables, FL: University of Miami Press, pp. 65–75.
- Benveniste E. (1973 [1969]) *Indo-European Language and Society*. Coral Gables, Florida: University of Miami Press.

- Brougham H. (1837) *Opinions of Lord Brougham on Politics, Theology, Law, Science, Education, Literature, &c. &c.: As Exhibited in His Parliamentary and Legal Speeches, and Miscellaneous Writings*, London: H. Colburn.
- Carroll L. (1998 [1872]) *Through the Looking-Glass, and What Alice Found There*, Harmondsworth: Puffin.
- Davis J. H. (1988) *The Guggenheims, 1848–1988: An American Epic*, New York: Shapolsky Publishers.
- Elster J. (1983) *Explaining Technical Change: A Case Study in the Philosophy of Science*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gaskell E. (2005 [1855]) *North and South*, New York; London: Norton.
- Gay P. (1984) *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. I. Education of the Senses*, Oxford: Oxford University Press.
- Gay P. (1999 [1998]) *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. V. Pleasure Wars*, New York: Norton.
- Gay P. (2002) *Schnitzler's Century: The Making of Middle-Class Culture 1815–1914*, New York: Norton.
- Gramsci A. (1975) *Quaderni del carcere*, Torino: Giulio Einaudi (in Italian).
- Groethuysen B. (1927) *Origines de l'esprit bourgeois en France. I: L'Eglise et la Bourgeoisie*, Paris: Gallimard (in French).
- Helgerson R. (1997) Soldiers and Enigmatic Girls: The Politics of Dutch Domestic Realism, 1650–1672. *Representations*, vol. 58, pp. 49–87.
- Hobsbawm E. (1989 [1987]) *The Age of Empire: 1875–1914*, New York: Vintage.
- Kocka J. (1999) Middle Class and Authoritarian State: Toward a History of the German *Bürgertum* in the Nineteenth Century. *Industrial Culture and Bourgeois Society. Business, Labor, and Bureaucracy in Modern Germany*, New York;Oxford: Berghahn Books; pp. 192–207.
- Koselleck R. (2004 [1979]) *Begriffsgeschichte and Social History. Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, New York: Columbia University Press, pp. 75–92.
- Luckacs G. (1974 [1914–1915]) *The Theory of the Novel*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Mann Th. (1936) *Stories of Three Decades*, New York: Knopf.
- Marx K. (1990 [1867]) *Capital*. Vol. 1. Harmondsworth: Penguin.
- Maza S. (2003) *The Myth of the French Bourgeoisie: An Essay on the Social Imaginary, 1750–1850*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Meiksins Wood E. (1992) *The Pristine Culture of Capitalism: A Historical Essay on Old Regimes and Modern States*, London: Verso.

- Meiksins Wood E. (2002 [1999]) *The Origin of Capitalism: A Longer View*, London: Verso.
- Mill J. (1937 [1824]) *An Essay on Government* (ed. E. Baker), Cambridge: Cambridge University Press.
- Nerlich M. (1987 [1977]) *The Ideology of Adventure: Studies in Modern Consciousness, 1100–1750*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Parkinson R. (1841) *On the Present Condition of the Labouring Poor in Manchester; with Hints for Improving It*, London; Manchester: Simpkin, Marshall, & Co.
- Schama S. (1988) *The Embarrassment of Riches*, Berkeley: University of California Press.
- Schumpeter J. A. (1975 [1942]) *Capitalism, Socialism and Democracy*, New York: Harper.
- Thompson F. M. L. (1988) *The Rise of Respectable Society: A Social History of Victorian Britain 1830–1900*, Cambridge: Harvard University Press.
- Wahrman D. (1995) *Imagining the Middle Class: The Political Representation of Class in Britain, c. 1780–1840*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Wallerstein I. (1988) The Bourgeois(ie) as Concept and Reality. *New Left Review*, vol. I, no 167, (January–February), pp. 91–106.
- Warburg A. (1999 [1902]) The Art of Portraiture and the Florentine Bourgeoisie. In: Warburg A. *The Renewal of Pagan Antiquity*, Los Angeles: Getty Research Institute for the History of Art and the Humanities, pp. 435–450.
- Weber M. (1958 [1905]) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, New York: Charles Scribner's Sons.
- Weber M. (1971) Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik. *Gesammelte politische Schriften*, Tübingen: J. C. B. Mohr, pp. 1–25 (in German).